

МИХАИЛ МЕЙЛАХ

«НЕМНОГО "ДАНТЕСОВЕДЕНИЯ"»

Волею судеб мне довелось на старости лет почти что переселиться из Петербурга, где всё говорит о Пушкине и где я жил в пяти минутах от дома, в котором он жил и умер и мимо которого я с детства проходил каждый день, – в Эльзас, на родину Дантеса, похороненного в Сульце неподалеку от Страсбурга. Хотя в Сульц я «в знак протеста» не заезжал ни разу, внимание мое стало поневоле задерживаться на личности этого искателя приключений, названного Набоковым «красивым тупицей по имени Жорж Дантес, приволокнутым за его [Пушкина] женой; молодым авантюристом, полным ничтожеством, который, возвратившись во Францию, пережил его на полвека, чтобы затем со спокойной душой умереть восьмидесятилетним стариком и сенатором»¹. Заметим, что «ничтожество», «пустота» Дантеса, наряду с «остроумием» (о чем ниже) – одна из ключевых его характеристик и в позднейших мемуарах, и в последующей литературе². Согласно же недавнему ироническому комментарию, для современного обывательского сознания Пушкину как "нашему всему" Дантес противопоставит как «"наше ничто" (или даже, если учесть иностранное происхождение Дантеса, "не наше ничто")»³.

Результатом моих наблюдений явилась серия заметок как бы из области «дантесоведения» (термин, насколько мне известно, был пущен в ход Т. Г. Цявловской, им пользовались Н. Я. Эйдельман и Ахматова). Заметки эти охватывают разные моменты жизни и карьеры Дантеса (карьериста *par excellence*), связанные с Пушкиным и с Россией, кончая своего рода окончательным его торжеством – последней встречей с Николаем I, которая принесла ему сенаторское кресло. Но сейчас я решаюсь предложить вниманию юбиляра лишь две из этих заметок, посвященные, одна – предыстории Дантеса во Франции и подлинным причинам его эмиграции, другая – пресловутому остроумию Дантеса и восстановлению значения его остроты по поводу Пушкина в еще безоблачные времена, когда он, Растиньяк *avant la lettre*, прибыл, чтобы пленить собою Петербург.

I. «...БРОДЯГА, ШУАН, ЗАГОВОРЩИК...»?

Мне уже приходилось писать о странной двусмысленности одной эпатажной выходки Пушкина, отдавшего дань, в период между окончанием Лицея и ссылкой, романтической тираномахии, последним рецидивом которой можно считать реконструированное четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» (1826)⁴. В апреле 1820 год поэт, претендовавший на то, чтобы обличать и учить царей, «на тронах поразить пороку», демонстрировал театральной публике литографированный портрет Луи-Пьера Лувеля⁵, украшенный надписью «Урок царям»: Лувель – фанатик, жаждавший искоренить род Бурбонов и потому заколовший, когда тот выходил из парижской Оперы, последнего, как он полагал (не зная, что супруга его беременна), наследника старшей ветви рода – герцога Беррийского, графа Шамбора, сына Карла X⁶. Никто, кажется, не замечал зловещего смысла этой пушкинской выходки. По иронии судьбы, Пушкин мог бы заменить эту надпись на другую: «Урок самому себе» – царю поэзии, царевубийцей которого Тютчев в своем поэтическом отклике на кончину Пушкина («29-е января 1837») нарек Дантеса.

В самом деле, смерть Пушкина на дуэли можно считать одним из отдаленных последствий убийства герцога: во время Июльской революции 1830 года восемнадцатилетний Дантес, как и подавляющее большинство учащихся Сен-Сирской военной школы в Париже, принял сторону вдовы убитого, герцогини Беррийской, ставившей целью возвести на престол их сына, малолетнего герцога Бордосского, которого после отречения в его пользу Карла X, его деда, легитимисты признали королем Франции. Когда в 1832 г. эти попытки окончательно провалились, а благополучно начинавшаяся военная карьера Дантеса во Франции была загублена, он отправился искать счастья на восток – в Пруссию, а оттуда его взоры обратились в сторону России, традиционно считавшуюся раем для иностранцев и оплотом незыблемой монархии, где в годы послереволюционных скитаний искал прибежища и сам Карл X, и где Дантес мог в качестве «французского диссидента» спекулировать своим пресловутым легитимизмом. К тому же здесь, в России, у него были дальние родственники по линии матери, урожденной графини Гацфельдт – Дантес был в родстве и свойстве и с Мусиными-Пушкиными, и с Гончаровыми (и тем самым в еще более отдаленном – с Пушкиным). В Россию Дантес прибыл 8 сентября 1833 г., в Натальин день по григорианскому календарю. При нем было рекомендательное письмо прусского кронпринца Вильгельма Гогенцоллерна, которому он был представлен через своих немецких родственников, на имя директора Канцелярии военного министерства графа Адлерберга⁷.

Проезжая этой весной через Овернь, я обратил внимание на необычный, круглой формы замок и решил узнать, можно ли его посетить. С этим вопросом я обратился к вышедшему из ворот пожилому человеку в испачканном краской фартуке, которого я принял за садовника и который на серебристом французском языке пригласил меня войти. Оказалось, что он художник и владелец замка, который называется Château de Thorry и который он мне предложил осмотреть. В одной из комнат я заметил гравюру, изображавшую испуганную даму, выглядывающую в окошко темницы, возле которой размахивают оружием воинственные молодые люди. Гравюра называлась «Освобождение герцогини Беррийской из тюрьмы в Блайе» (куда она была заточена после подавления мятежа 1832 г.), и, хотя рисунок делался, конечно, не с натуры, в числе доблестных освободителей заинтересованный взгляд был бы не прочь опознать «шуана» Дантеса, если бы этому не мешали сразу несколько обстоятельств. Во-первых, даже апогетичный биограф Дантеса, его внук Луи Метман пишет, что дед его «после того как в течение нескольких недель состоял среди приверженцев, группировавшихся в Вандее вокруг герцогини Беррийской, вернулся к отцу, которого он застал глубоко удрученным политическими переменами, уничтожавшими законную монархию, которой он служил как по традиции, так и по симпатии» (*курсив наш*)⁸. Во-вторых, к моменту освобождения герцогини из тюрьмы, 8 июня 1833 г., Дантес уже был в Пруссии. В-третьих, 4(16) августа 1837 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому о Дантесе из Киссингена: «Я узнал и о его происхождении, об отце и семействе его; всё ложь, что он о себе рассказывает и что мы о нем слышали... С Беррийской дюшессой он никогда не воевал и на себя налгал»⁹.

Но еще важнее, что и дело «дюшессы» кончилось вовсе бесславно: в тюрьме, куда герцогиня была препровождена 15 ноября 1832 г., обнаружилась ее беременность – она объясняла её тайным браком, которым она (якобы?) сочеталась в Италии с маркизом Луккези-Палли из третьестепенной княжеской семьи Кампо-Франко¹⁰, – на чем ее политическая карьера и закончилась. По словам современника, над герцогиней потешалась вся Европа: из дочери короля обеих Сицилий, вдовствующей принцессы, регентши наследника дома Бурунов, она в одночасье превратилась в итальянскую авантюристку, каких во Франции не терпели. И освобождена она была отнюдь не славными своими сторонниками, а по милостивому решению правительства, после того как в тюрьме разрешилась от бремени дочерью. Обстоятельства эти бросают новый, довольно яркий свет на причины эмиграции Дантеса «в далекую Россию»: он не только продемонстрировал свою нелояльность новому режиму (документированную, по крайней мере, в 1830 году в бытность его в Сен-Сирской школе, которой он по этой причине и не окончил), но и сам объект его легитимист-

ских верноподданнических чувств во Франции был навсегда дискредитирован.

II. «PACHA A TROIS QUEUES»

Как известно, Пушкин, познакомился с неудавшимся легитимистом (впоследствии Дантес изменит дому Бурбонов и встанет на сторону потомственных узурпаторов-бонапартистов) летом 1834 года, обедая в ресторане Дюме, и первоначально отнесся к нему с симпатией¹¹. Обласканный петербургским светом, Дантес слыл остроумцем¹², и несколько дошедших до нас его шуток эту репутацию подтверждают. Остроты Дантеса строятся преимущественно на каламбурной полисемии – такова его известная шутка, связанная с Пушкиным, однако подлинный ее каламбурный смысл сегодня утрачен. Попыткой восстановления этого смысла и является настоящая заметка.

Спустя некоторое время после свадьбы, в петербургском доме Пушкиных поселились переехавшие к ним из Москвы сестры Наталии Николаевны – Екатерина (вышедшая впоследствии замуж за Дантеса) и Александрина (их можно считать своего рода приданным бесприданницы-невесты, а можно их сравнить и с зошенковскими «родственниками со стороны жены», каких в советское время молодые жены, «расписавшись», перетаскивали из провинции на мужнину «жилплощадь»). Так или иначе, Пушкин появлялся в свете с тремя дамами – женой и двумя свояченицами. О том, что этот тройственный женский союз был предметом домашних шуток, свидетельствует фраза в письме Ольги Сергеевны, сестры Пушкина, их отцу: «Александр представил меня своим женам – теперь их целых три»¹³. Неудивительно, что необычная картина привлекла внимание и развязного Дантеса. По воспоминаниям Н. М. Смирнова, «красивой наружности, ловкий, веселый и забавный, болтливый, как все французы, Дантес был везде принят дружески, понравился даже Пушкину, дал ему прозвание *Pacha a trois queues* (трехбунчужный паша), когда однажды тот приехал на бал с женою и ее двумя сестрами»¹⁴.

Постараемся раскрыть полный смысл этой насквозь каламбурной остроты.

Pacha, тур. *pasha*, паша (восходит, с усечением, к персидскому *pādīshāh*) – с XIII в. почетный титул принцев крови, потом высших сановников в Турции¹⁵; *бунчук* же (тур. *tugh*, франц. – *queue*) – «конский хвост, ниспадающий с наконечника, имеющего форму полумесяца; символ высшей власти; гетманский жезл» (Фасмер, s.v.), «конский хвост на древке как

знак власти (гетмана, пашы)»¹⁶ – исторически восходит к хвостам яка, обозначавшим у тюрков-кочевников силу, богатство и власть; хвосты эти прикреплялись к древку, вместе с которым составляли своего рода знамя¹⁷. В зависимости от места сановника в иерархии, число этих хвостов, которые в торжественных случаях изначально несли впереди него, могло быть от двух до трех, т. ч. титул *pacha a trois queues* является наивысшим. Во Франции, где популяризаторские книги о Турции издавались с XVII века¹⁸, титулатура эта хорошо была известна, особую же популярность она получила в ходе наполеоновских войн на окраинах Оттоманской империи. Слово *паша* употреблялось и самим Пушкиным («Словарь языка Пушкина» указывает до 30 случаев), в том числе в красноречивом эпизоде сравнения участи властителя и поэта, вложенном автором в уста владыки павшего Эрзерума.

Поверхностный смысл остроты Дантеса сводится к уподоблению поэта, выезжающего в сопровождении *трех* сестер, турецкому *трехбунчужному* паше с его гаремом (впоследствии этот последний мотив получит развитие в развенчанном Ахматовой мифе о сожительстве Пушкина с Александриной Гончаровой, лансированном, согласно Ахматовой, теми же Геккеренами¹⁹). Сюда, по-видимому, входит и представление о широко известном (к тому же запечатленном в его внешности) экзотическом, условно говоря, «восточном» происхождении Пушкина, правнука «*арана* Петра Великого». В выражении *Pacha a trois queue* Дантесом анаграммировано, вероятно, бессознательно, имя Пушкина, в котором присутствуют те же опорные согласные «п» и «ш», что и в слове «паша», третья же соответствует [к] из второго ударного слова – *queues: PaCHa a trois [Kœ] = PouCHKine*.

Восприятию шулки в этом простейшем смысле способствовало и то, что элементарный ее перевод как *паша с тремя хвостами* воспринимается, исходя из ассоциации русского слова *хвост* с женскими юбками, шире – с навязчивыми или нежеланными спутниками, как всем нам еще памятные «наружные наблюдатели». Однако во французском языке семантика слова *queue* развивалась иначе: здесь в результате простого метафорического переосмысления оно издавна приобрело значение *penis, membrum virile*²⁰. Исходя из этого вторичного значения, проясняется и второй, прочно забытый смысл всего выражения – «*dux turcicus mentulis cum tres*», что довольно адекватно передается по-русски как «паша с тремя х...», или, пользуясь лексикой высоко ценимого Пушкиным Баркова, «паша с тремя елдаками, свайками, салтыками, удами, снастями, рогами, битками, талантами, рычгами, рожками, свирелями, шестами, булавами, шматинами, сваями, гусаками, кутаками»²¹. Именно этот смысл, придающий шулке остро-калам-

бурное значение, и должен был рассмешить самого Пушкина, далеко не чуждого обценной языковой стихии²², который, не говоря о «Тени Баркова» и отмечавшихся в мемуарах устных высказываниях, охотно пользовался обценной лексикой в письмах, стихах и эпиграммах²³.

Французское слово *queue* («хвост»), восходящее к латинскому *cauda* (*cōda*) и осмысляемое, с одной стороны, как «нечто висящее»²⁴, с другой стороны, как «край» (ср. «крайняя плоть»), «конец»²⁵ (русск. *конец* и *кончик* – «*penis*»²⁶), «окончание»²⁷, – получило рассматриваемое значение еще на уровне латинского этимона²⁸. В современном французском языке оно тем более прочно утвердилось в этом значении в составе триплета *cul – con – queue* с опорным анафорическим [k] и последующими огубленными гласными. В этой связи вспоминается плохая репутация буквы «каппа» у древних греков, объясняемая ее двойным присутствием в слове *κακός* (плохой) и его производных, а также в слове *κακῶ* (какать), и отразившаяся в поговорке *Τρία κάππα κάκιστα* (три «каппы» наисквернейшие). Эту поговорку приводит в своем сборнике Зенобий (софист II в.), с пояснением – критяне все лгуны, киликийцы – пираты, а каппадокийцы – разбойники, а бл. Августин и вслед за ним Эразм Роттердамский иллюстрируют ее тем, что Корнелий – родовое имя и Суллы, и Цинны, и Лентула. Не является ли это фоном, на котором Ахматова сопроводила строку из «Поэмы без героя» «Ясно всё: / Не ко мне, так к кому же?» ироническим примечанием: «*Три «к»* выражают *замешательство* автора» (курсив наш. – М.М.), хотя графически в этом стихе четыре «к», а в слитном произношении – всего два?

Помимо того, что обценные мотивы у Пушкина и в связи с Пушкиным долго оставались более или менее табуированными, утрате подлинного значения дантесовской остроты могли способствовать по крайней мере три обстоятельства: во-первых, как было показано, в русском языке подобного семантического развития слова *хвост* не произошло; во-вторых, в славянских языках обозначение обсуждаемой тюркской титулатуры, исконно связанной с конскими хвостами, оформилось через крымскотатарский язык как *бунчук* исходя из несколько других, тоже «лошадиных» реалий (*bunčuk*, тур. *bondžuk* – «раковины, бусы на шее лошади», используемые на описанных выше знаменах наряду с конскими хвостами и им «синонимичные»²⁹); наконец, третья причина, не менее весомая – деградация французской образованности в России двадцатого века.

Если за свидетельством Н. М. Смирнова (которому мы обязаны знанием рассмотренного каламбура), с его красноречивым *даже* в словах о Дантесе («понаравился *даже* Пушкину»), достоверно просматривается атмосфера поверхностной светской благожелательности, то в письме Геккерену, спровоцировавшем вызов, Пушкин писал о позднейшем дантесов-

ском остроословии как о «пошлостях, которые тот отпускал» (*les pauvretés qu'il débitait*) и о «казарменных каламбурах» (*calembours de corps de garde*)³⁰. Эти пушкинские определения, повторявшиеся в петербургских салонах после смерти поэта, формировали языковое выражение дуэльной легенды (ср. *армейский каламбур* у Вяземского³¹, *площадной каламбур* у Соллогуба³²; в письмах С. Н. Карамзиной Андрею Карамзину – *discours de caserne* «казарменные разговоры» и *mauvaises plaisanteries qu'il faisait de temps en temps* – «плоские шутки, которые он [Дантес] время от времени отпускал», т. е. при высылке за границу³³).

Но Андрей Карамзин, находившийся вдали от Петербурга и, несмотря на цитированные здесь и выше письма сестры и брата³⁴, своего отношения к Дантесу еще не «перестроивший», пишет, что, когда он его встретил в Баден-Бадене спустя четыре месяца после дуэли, тот его заставлял «корчиться от смеха» ничуть не меньше, чем прежде (*nous donnait des crampes à force de rire*)³⁵.

На фоне прочих каламбуров Дантеса, на которых здесь нет возможности останавливаться, нельзя не подивиться тому, что в перспективе фатальных дуэлей русских поэтов прозвище *Pacha à trois queues*, данное им Пушкину, находит обратную параллель в случае Лермонтова³⁶. В самом деле, поводом к дуэли Мартынова с Лермонтовым послужило прозвание, данное ему последним и содержащее похожий каламбур, настоящий смысл которого и в «мартыноведении», и в лермонтоведении тоже, насколько нам известно, остался незмеченным. По воспоминаниям Э. А. Клингенберг (впоследствии Шан-Гирей), разговаривавшей с Лермонтовым во время музыкального исполнения в доме ее матери, генеральши М. И. Верзилиной, тот, увидев Мартынова, «начал острить на его счет, называя его "montagnard au grand roignard" [горец с большим кинжалом]. (Мартынов носил череску и замечательной величины кинжал.) Надо же было так случиться, что когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово roignard раздалось по всей зале»³⁷. Заметим, что слова, обозначающие холодное (по преимуществу) оружие («roignard», «éree», «glavier», «scouteau» и т. п.), с иной, но столь же очевидной мотивировкой³⁸, весьма часто употребляются в том же самом метафорическом значении, что и *queue*. Лермонтова, по видимому, забавляла эта двусмысленность, объясняющая неадекватную, казалось бы, реакцию Мартынова, который «побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: "сколько раз просил я вас оставить свои шутки *при дамах*"»³⁹.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Статья написана при поддержке Центра славянских исследований Университета Хоккайдо в Саппоро, Япония, которому выражаю благодарность, так же как и Г. А. Левинтону, высказавшему полезные замечания.
- ¹ *Набоков В.* Пушкин, или правда и правдоподобие. Перевод Т. Земцовой // *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М.: «Независимая газета», 2000. С. 415. Пушкинский подтекст следует, конечно, видеть и в одном из вступительных эпизодов романа «Защита Лужина», где описана «тучная француженка, читавшая ему [маленькому Лужину] вслух "Монте-Кристо" и прерывавшая чтение, чтобы с чувством воскликнуть "бедный, бедный Дантес!"... Бедный, бедный Дантес не возбуждал в нем участия» (эта деталь носит, по всей видимости, автобиографический характер).
- ² Александр Карамзин, за два месяца до того бывший шафером на свадьбе Дантеса, в письме своему брату Андрею в Рим от 13 (25) марта 1837 г. отзывается о нем как о *garçon de rien* (пустой мальчишка), *entièrement nul* (совершенное ничтожество). – Пушкин в письмах Карамзиных 1836-1837 годов. М.-Л., 1960. С. 190, 309.
- ³ *Кондратович Вяч.* Поэт и денди // Дантес (Митин журнал) // <http://www.mitin.com/dj01/>.
- ⁴ *Мейлах М. Б.* «Водились Пушкины с царями...» // Звезда. 2005. № 6; *Он же.* Поэзия и власть // *Лотмановский сборник*, 3. М.: изд. ОГИ, 2004. С. 717–744.
- ⁵ Запись А. И. Михайловского-Данилевского со слов Арк. Родзянки. См.: Русская Старина. 1890. № 11. С. 505; *Вацуро В.* Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 77.
- ⁶ *Chateaubriand, Vicomte François-René de.* Mémoires touchant à la vie et la mort de Mgr le duc de Berry. Paris, 1920.
- ⁷ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999 (далее – «Щеголев»). С. 27–31, 80; Жорж-Шарль Дантес (Биографический очерк Луи Метмана) // *Ibid.* P. 329–330.
- ⁸ *Loc. cit.*
- ⁹ Письмо от 4(16) августа 1837 // Пушкин в неизданной переписке современников. Лит. наследство. Т. 58. М.-Л., 1952. С. 148. Письмо опубликовано лишь в отрывках, но, насколько можно судить, сведения восходят к вел. кн. Марии Павловне, супруге Карла-Фридриха Саксен-Веймарского. Это письмо отмечено в комментарии Я. Л. Левкович к сведениям, приведенным Л. Метманом (Щеголев. С. 555, прим. 10).
- ¹⁰ *Price G.* Journal de la captivité de la duchesse de Berry à Blaye (1832–1833) par le Lieutenant Ferdinand Petitpierre. Paris: Emile-Paul, 1904; *Lucas-Dubreton J.* La princesse captive: la duchesse de Berry, 1832–1833. Paris: Perrin, 1925; *Cotton de Bennetot A.* La captive de Blaye: Une évocation de l'emprisonnement de la duchesse de Berry dans la citadelle de Blaye. Bordeaux: par l'auteur, 1984.
- ¹¹ *Vutale С.* Пуговица Пушкина. Калининград: «Янтарный сказ», 2000. С. 12.
- ¹² Об остроумии Дантеса можно найти упоминания едва ли не во всех связанных с ним мемуарах, – ограничимся несколькими примерами. «И вел. кн. Михаилу Павловичу нравилось его остроумие...», – кавалергард А. И. Злотницкий (Сбор-

- ник биографий кавалергардов, 1826–1908. Составлен под ред. С. А Панчулидзева. СПб., 1908. С. 77); «...обладал особенно злым языком... его остроты вызвали у молодых офицеров смех», – генерал Р. Е. Гринвальд, начальник Дантеса (там же); «как француз, – остроумен, жив, весел», – кн. А. В. Трубецкой (Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу // *Щеголев*. С. 400). Ср.: Le gaillard tire bien в «Конспективных заметках Жуковского...» (ibid. С. 284, 516–517). Мемуаристам и их бесчисленным последователям вторит автор статьи «Дантес» в «Брокгаузе и Эфроне»: «Д. ...скорее остроумен, нежели умен». Ср. также отзывы о Дантесе в письмах С. Н. Карамзиной.
- ¹³ Пушкин и его современники. Вып. XVII–XVIII. СПб, 1914. С. 168. См.: Анна Ахматова. Александрина // О Пушкине. Статьи и заметки. М., 1997. С. 136.
- ¹⁴ *Смирнов Н. М.* Из памятных заметок // Русский Архив, 1882, I. С. 233.
- ¹⁵ Вероятно, в контаминации с тюркским *baskak*. – *Encyclopédie de l'Islam*. Nouvelle édition. Leiden: Brill, 1993. T. VIII, s.v. pasha.
- ¹⁶ *Шитова Е. Н. (сост.)*. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: «Наука», 1976. S.v. pasha.
- ¹⁷ *Encyclopédie de l'Islam*. 2000. T. X, s.v. tugh.
- ¹⁸ Особой известностью пользовалась книга: Ignace Mouradja d'Ohsson. *Tableau général de l'Empire othoman*. Paris, 1787.
- ¹⁹ Анна Ахматова. *Op. cit.*
- ²⁰ Нормативные французско-русские словари этого значения не приводят, однако в «Новом французско-русском словаре» Гака и Ганшиной (5-изд., 1994) в статье «*queue*» 17-е значение – «*груб. половой член*».
- ²¹ По перечню слов, составленному М. А. Цявловским в его Комментариях к «Тени Баркова». См.: *Пушкин А. С.* Тень Баркова: тексты; комментарии; экскурсии. Издание подготовили И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 213, прим.
- ²² См. колоссальный материал в кн.: *Пушкин А. С.* Тень Баркова. См. также: *Панов С.* Пушкин и Соболевский в 1826–1827 гг. (К публикации двух стихотворений) // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.
- ²³ См. свод цитат в тех же «Комментариях» М. А. Цявловского (*Пушкин А. С.* Тень Баркова. С. 213–293).
- ²⁴ Забавно, что хотя народная этимология с древних времен связывает *penis* с *pendo* («висеть» и «весить»), этот корень дал в санскрите форму *pásah*, разумеется, ничего общего со словом «паша» не имеющую (*Ernout-Meillet*, s.v. *pēnis*).
- ²⁵ А. Введенский осмысляет «конец» как край коня («Гость на коне»).
- ²⁶ Ср. пушкинское: «День блаженства настоящий / Дева встретит наконец: / День придет и на стоящий / Дева сядет на конец».
- ²⁷ В средневековой романской поэтике *cauda* – заключительный элемент в системе чередующихся рифмованных строк в составе строфы (этим термином пользуется Данте в *De vulgari eloquentia*, II, XI, 1, 7; II, XII, 4. Упомянем также музыкальный термин «кода» [от ит. *coda*]).
- ²⁸ *cauda (cōda)* «хвост» – «et par analogie (Cic., Ep. 9, 22, 2, *codam antiqui penem vocabant*) = *pēnis, peniculus*» (*Ernout-Meillet*, s.v.). Оба слова, *cauda* и *pēnis*, в архаической латыни взаимозаменяемы: «*pēnis...*, "*membrum virile*"» – «*mais aussi*

- "queue"» (в этом последнем значении слово *rēnis* вытеснено словом *cauda*, *sōda*, но в ритуальном употреблении оно его сохраняло – *ibid.*, s.v.).
- ²⁹ *Фасмер, s.v.; Шипова, s.v.*
- ³⁰ *Пушкин А. С. Письма последних лет. Л., 1969. № 212. С. 165–166.* Пушкинское написание слова *calembourg* – этимологизирующее (от имени собств. *Kalemberg*, нем.?). О каламбуре, стоящем за последним обвинением, будет сказано в полной версии этих заметок.
- ³¹ Письмо Вяземского вел. кн. Михаилу Павловичу // Щеголев. С. 245.
- ³² Пушкин в воспоминаниях современников. М.-Л., 1985. Т. 2. С. 346.
- ³³ Письма С. Н. Карамзиной от 30 января (11 февраля) и от 29 марта (10 апреля) 1936 г. // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. С. 167, 298 и 199, 313.
- ³⁴ См. выше, прим. 2.
- ³⁵ Цит. по: Пушкин в письмах Карамзиных. С. 405. Письма Карамзиных вызвали после их публикации в 1956–1960 гг. негодование Ахматовой, назвавшей их круг замечательно подходящим к случаю прустовским выражением «*bande joyeuse*».
- ³⁶ В общем смысле, не проясняя предлагаемого нами значения лермонтовской остроты и вне связи с *Pacha a trois queues*, а лишь с «казарменным каламбуром», на это совпадение обратил внимание Т. Бурмистров в интернетной статье «Соответствия» (<http://tbv.spb.ru/wca/27.php>), посвященной метафизической опасности каламбура и его связи со смертью.
- ³⁷ Цит. по ст. «Дуэли Лермонтова» в «Лермонтовской энциклопедии».
- ³⁸ См.: *Rancour-Laferriere D. Some Semiotic Aspects of the Human Penis // Versus: Quaderni di studi semiotici. 1979. 24. P. 37–82.* Мотивировка «острого», «протыкающего» просвечивает и в русском непечатном трехбуквенном слове, этимологически связанном со словом «хвоя». См. *Vasmer, s.v.*
- ³⁹ «Дуэли Лермонтова», *ibid.*

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ШИПОВНИК

К 60-ЛЕТИЮ

РОМАНА ДАВИДОВИЧА ТИМЕНЧИКА

Водолей Publishers

Москва

2005